

В. ЦЕРАН

ПОЛЬСКОЕ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ

В 1957—1961 гг. *

Польское византиноведение — молодая наука. Первая в Польше кафедра истории Византии была основана в 1935 г. в Варшавском университете. Ее деятельность прервала вторая мировая война. Только в октябре 1957 г. при Лодзинском университете был организован Институт истории Византии во главе с профессором-доктором Г. Эверт-Каппесовой. Вскоре после этого начал свою деятельность византиноведческий центр в Варшаве, группирующийся вокруг профессора-доктора К. Куманецкого и профессора-доктора А. Гейштора. Заслуживает упоминания также познанский центр, где под руководством профессора-доктора Г. Лябуды ведется изучение истории раннего славянства. Таким образом, ныне в Польше имеется определенная база для разработки истории Византии, способная обеспечить будущее польского византиноведения. Этот оптимистический взгляд был высказан Г. Эверт-Каппесовой в докладе на конференции византинистов в Праге (27.X—2.XI 1957 г.). Докладчица обрисовала в основных чертах состояние польского византиноведения в 1935—1957 гг. и наметила пути его дальнейшего развития. Г. Эверт-Каппесова указала, что в своем историческом развитии Польша была связана как с Западом, так и с Востоком. О тесных контактах Польши с Византией свидетельствуют не только исторические факты, зафиксированные в письменных источниках, но и, еще более убедительно, археологические данные. Эта проблема, однако, освещена еще недостаточно и на решение ее, по мнению докладчицы, должны быть направлены усилия как историков, так и археологов¹.

Специальную статью Г. Эверт-Каппесова посвятила первому польскому историку-византинисту К. Закржевскому². Характеризуя его облик, автор особенно подчеркивает значение общественной деятельности этого историка. Он принадлежал к тому типу ученых, которые не замыкаются в своем кабинете, а, напротив, активно участвуют в жизни общества. Именно за свою патриотическую деятельность К. Закржевский был убит 11 марта 1941 г. гестаповцами. Он не успел создать большого числа работ, но то, что

* Характеристику важнейших работ польских византинистов, опубликованных в 1920—1957 гг., см. в статье: Г. Эверт-Каппесова. Исследования по византиноведению в Польше. ВВ, XIII, 1958, стр. 327—336; исчерпывающие данные о развитии византийской папирологии (до 1957 г.) содержатся в статье: Ю. Моджеевский. Работа польских ученых в области византийской папирологии. ВВ, XII, 1957, стр. 304—311. Приходится с сожалением констатировать, что после смерти Р. Таубеншлага и временного выезда из Польши Ю. Моджеевского не было опубликовано ни одной новой работы, которая могла бы быть упомянута в настоящем обзоре.

¹ H. Evert-Kappesowa. L'Etat et l'avenir des études byzantines en Pologne. BS, vol. 19, 1958, S. 226—230.

² H. Evert-Kappesowa. Casimir Zakrzewski, le premier bizantologue Polonais. «Palaeologia», vol. VII, № 3—4. Osaka, 1959, S. 99—106.

им сделано, ставит его в один ряд с первоклассными учеными. Значительная часть исследований К. Закржевского трактует вопросы истории Римской империи в переходную эпоху от собственно Римской к Византийской империи. Среди чисто византийских проблем, занимавших ученого, основной была экономическая и общественная жизнь Восточной империи в конце IV — начале V в.

Участниками семинара, проводившегося в Институте истории Византии, под руководством Г. Эверт-Каппесовой была написана коллективная работа «Антонина и Велисарий», прочитанная затем на конференции византинистов в Веймаре (17—22.IV 1961 г.)³. Авторы рассматривают здесь главным образом отношения между Антониной, ее мужем Велисарием и императрицей Феодорой. Эта работа знакомит с атмосферой при дворе Юстиниана, а также проливает свет на столь неясную до сих пор роль Антонины в событиях политической жизни того времени.

Перу Г. Эверт-Каппесовой принадлежит также «Очерк истории византийской деревни VII—IX столетий», который публикуется в «Societas Scientiarum Lodziensis». В первом разделе работы анализируется структура деревни VII в. Источником автору послужил здесь египетский материал; какие-либо данные, характеризующие аграрные отношения VII в. в других районах Византийской империи, отсутствуют. Во втором разделе «Очерка» рассматривается влияние славянской колонизации на социальные порядки византийской деревни. В третьем разделе автор характеризует крупное землевладение в Византии VIII—IX вв. Главными источниками, на которых основана работа, явились хроники, агрографические памятники, «Земледельческий закон» и др. Серьезным вкладом в изучение истории Византии являются также рецензии Г. Эверт-Каппесовой: в них содержится много интересных наблюдений, сделанных в ходе ее исследовательской работы⁴.

Основываясь на текстах писателей V—VI вв., И. Куранц предпринял попытку охарактеризовать византийскую историографию этого времени⁵. Он обрисовал социально-политическую обстановку в Византии рассматриваемого периода и привел в своем историографическом обзоре ряд интересных отрывков из произведений ранневизантийских историков. В статье содержатся, однако, дискуссионные, а иногда и ошибочные положения. Неверным, например, является утверждение, будто Юстиниан приехал в Константинополь вместе со своим дядей Юстином и вместе с ним вступил в императорскую гвардию, а образование получил якобы уже после того, как стал императором (стр. 80—81). Еще К. Закржевский, на которого ссылается автор, а также другие историки показали, что, только достигнув высокого военного чина, Юстин перевел своего племянника (Юстиниана) в столицу, усыновил его и дал ему образование⁶. Непонятно, почему автора удивляет то, что византийские историки V и VI вв. занимались не

³ Эта работа будет опубликована в «Дневниках» конференции.

⁴ Важнейшие рецензии Г. Эверт-Каппесовой опубликованы в следующих изданиях: «Studia źródłoznawcze», I, 1957, str. 291—292 (F. Dölger. Das Kaiserjahr der Byzantiner); BS, vol. 18, 1957, S. 103—106 (D. Eichmann. Weihe und Krönung des Papstes im Mittelalter); «Kwartalnik historyczny», LXVII, 1960, str. 1117—1120 (R. Guillard. Etudes byzantines); BS, vol. 20, 1959, S. 78—82 (J. M. Hussey. The Byzantine World); BS, vol. 21, 1960, S. 301—310 (J. Gill. The Council of Florence); BS, vol. 22, 1961, S. 93—95 (W. Ohnsorge. Abendland und Byzanz).

⁵ J. K u r a n c. Sposób przedstawiania dziejów przez historyków wczesno-bizantyjskich (V i VI w.). «Roczniki humanistyczne. Prace z zakresu filologii klasycznej». Towarzystwo Naukowe Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. Lublin, 1957, str. 75—103.

⁶ K. Z a k r z e w s k i. Dzieje Bizancjum. «Wielka historia powszechna», t. 4, str. 37; L. B r é h i e r. Vie et mort de Byzance. Paris, 1948, p. 21.

только судьбами «своей Византии», но затрагивали и события, происходившие в западной части прежней Римской империи (стр. 78): ведь идея «Imperium Romanum» была еще жива в эти столетия, а во времена Юстиниана получила даже конкретное воплощение. Не отличаются оригинальностью выводы автора (стр. 101—102): положение о том, что в ранневизантийской историографии «наряду с сухими работами имеются работы, написанные интересно», носит слишком общий характер и может быть отнесено ко всей историографии в целом вплоть до современной; то обстоятельство, что в хрониках чаще всего описываются современные автору, а не давно прошедшие события, также присуще отнюдь не одной только ранневизантийской историографии — это характерная черта большинства средневековых хроник. Нельзя согласиться и с утверждением И. Куранца, что целью написания исторических сочинений, разбираемых в его статье, было желание их авторов поведать потомкам о деяниях минувшего. Проконий Кесарийский, например, работая над сочинением «De Aedificiis», имел в виду не столько потомков, сколько вознаграждение; его «Anecdota» также были предназначены скорее для современников.

Статья И. Куранца не лишена и некоторых других недочетов. В такой специальной работе, как эта, следовало бы пользоваться соответствующей терминологией: между тем автор пишет не «ритор», а «учитель красноречия» и т. д. Некоторые понятия, применяемые И. Куранцем, являются слишком широкими, а потому неясными (например, «деятельные люди»).

Тем не менее статья по материалу своему представляет интерес; написанная по-польски, в определенной мере она содействовала решению задач, поставленных И. Куранцем.

Этому же автору принадлежит ценная для византиноведов монография о Приске⁷. Поскольку об этом историке до сих пор не было монографических исследований, восполнение данного пробела — несомненная заслуга И. Куранца. В десяти коротких главах он описывает жизнь Приска и разбирает его произведения. Особого внимания заслуживает, в частности, четвертая глава, в которой сведены воедино и снабжены критическим комментарием все фрагменты «Historiae» Приска, сохранившиеся в более поздних работах. В последующих главах автор рассматривает произведения Приска с филологической точки зрения, определяя время создания им того или иного сочинения, устанавливая авторов, произведениями которых Приск пользовался, а также тех, которые использовали его собственные сочинения, исследует манеру изложения Приска и особенности его языка. И. Куранц разбирает также вопрос о достоверности содержания произведений Приска; по мнению автора, она не вызывает больших сомнений.

В 1959 г. Западный институт опубликовал подготовленные Т. Лер-Сплавинским «Жития Константина и Мефодия»⁸, предоставив тем самым в распоряжение историков-византинистов весьма важный источник. Он имеет исключительное значение не только для ознакомления с историей миссионерской деятельности Солунских братьев, но и для изучения различных сторон светской и церковной жизни в Византии и Моравии, а также для освещения многих теологических проблем. До сих пор в Польше было полностью опубликовано только «Житие Мефодия» и отрывки из «Жития Константина»⁹. Настоящее же издание содержит так называемый

⁷ K u r a n c. De Prisco Panita rerum scriptore quaestiones selectae. Lublin, 1959, 86 str.

⁸ Żywoty Konstantyna i Metodego (obszerne). Przekład polski ze wstępem i objaśnieniami oraz z dodatkami zrekonstruowanych tekstów staro-cerkiewno-słowiańskich sporządził T. Lehr-Splawiński. Poznań, Instytut zachodni, 1959, 152 str.

⁹ См. Monumenta Poloniae Historica, t. I, str. 85—122.

пространный текст обоих «Житий»: они приведены здесь в оригинале и в польском переводе в соответствии с требованиями, предъявляемыми филологической критикой к подобным публикациям. Старославянский текст памятника представляет собой реконструкцию его первоначального текста; в известных более поздних копиях «Жития», относящихся к XIV—XV вв., много искажений. Разночтения между восстановленным текстом и копиями оговорены в примечаниях. Следует отметить, что основные положения, развиваемые во введении к публикации [I Историческая среда «Житий» Константина и Мефодия; II «Жития» Константина и Мефодия (так называемые пространные), их возникновение и значение для славянской культуры IX в.], в значительной мере повторяют содержание статей, опубликованных на эту тему ранее¹⁰.

Необходимо упомянуть опубликованную в 1962 г. работу О. Юревича, посвященную Андронику I Комнину. Опираясь на источники и богатую литературу, автор в семи разделах своего труда описывает жизнь и деятельность этого императора. Начав с характеристики Византии времен правления Алексея, Иоанна и Мануила Комнинов, О. Юревич прослеживает события жизни Андроника в Византии, а также во время его путешествий в Галицкую Русь и по странам Востока, останавливается на обстоятельствах прихода Андроника к власти и получения им императорского титула, рассматривает реформы, проведенные Андроником. Работа заканчивается описанием неожиданной смерти императора. Несмотря на серьезный научный характер монографии, ее автора все же можно упрекнуть в недостаточно критическом отношении к источникам.

Одна из важнейших проблем, разрабатываемых польским византиноведением, — польско-византийские отношения. Они еще недостаточно исследованы. Тем большее удовлетворение вызывает статья А. Ф. Грабского, посвященная польско-византийским отношениям в начале XI в.¹¹ По мнению автора, в польских землях того времени наблюдалось сильное влияние православной церкви. Источники свидетельствуют о том что здесь практиковалась православная обрядность, вытесненная затем римско-католической. Исходя из археологических данных, можно считать, что польские земли продолжали торговать с Византией. Первые сведения о попытках установить политические отношения между Польшей и Византией в начале XI в. встречаются в хронике Титмара Мерзебургского. В 1018 г., после завоевания Киева, Болеслав Храбрый направил послов в Константинополь, чтобы заключить союз с Василием II. Согласно предположению А. Ф. Грабского, условия, выдвинутые польскими послами, содержали требование отозвать русские войска, находившиеся на византийской службе и действовавшие против повстанцев в Южной Италии. Последним оказывал содействие германский император Генрих II, который по окончании войны с Польшей и заключении мира в Будишине в свою очередь поддерживал польские походы на Русь. Таким образом, полагает А. Ф. Грабский, польское посольство в Византию было отправлено в интересах Генриха II, хотя в то же время, по мнению автора, установление отношений с Византией входило и в планы самого Болеслава Храброго. Об этом свидетельствует то, что его сын, будущий король Мешко II, был обучен греческому языку. Нам кажется, однако, что гипотеза А. Ф. Грабского недостаточно

¹⁰ См.: T. Lehr-Spławiński. Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian. Warszawa, 1954.

¹¹ А. Ф. Грабски. По поводу польско-византийских отношений в начале XI в. ВВ, XIV, 1958, стр. 175—184. Статья представляет собой итог изучения автором польско-русских отношений и является до некоторой степени повторением материала соответствующей главы его работы «Studia nad stosunkami polsko-ruskiemi w początkach XI w.». «Slavia orientalis», 1957, str. 164—212.

Византийские монеты попадали в Польшу через Русь: одни — по Балтийскому морю и далее — по русским рекам, другие — сухим путем через Киев. Оба потока сходились в Великой Польше. Именно поэтому здесь встречаются самые обильные монетные находки¹⁵.

В плане изучения торговых отношений между Польшей и Византией в X—XI вв. польских византинистов живо интересует дискуссия относительно так называемого «Dagome Judex» — дарственного акта 991 г., которым первый польский князь Мешко передал свое государство под протекторат папы. Акт этот не сохранился — уцелел только латинский список, излагающий его содержание.

Несколько лет назад А. Стеффен высказал предположение, что оригинал данного акта был составлен на греческом языке¹⁶. Если эта гипотеза верна, значит, канцелярия Мешко пользовалась наряду с латинским языком также и греческим. Для доказательства своего предположения автор произвел филологический разбор текста «Dagome Judex», в результате чего пришел к выводу, что документ был составлен с помощью греческих купцов, колония которых, по его мнению, находилась на острове Волине (в Балтийском море), принадлежавшем к числу владений Мешка.

Выводы А. Стеффена подверглись критике со стороны В. Коваленко¹⁷. Соглашаясь с тем, что в эпоху Мешко в Польше было налицо греческое влияние, а также признавая большое торговое значение Волина в X—XI вв., он отрицает возможность существования там колонии греческих купцов. Правда, хронист Адам Бременский упоминает «греков», живущих на острове, но это, полагает В. Коваленко, были русские купцы, а «греками» хронист называет их по религиозной принадлежности.

В числе работ, созданных в последние годы польскими византинистами, отметим две статьи обзорного характера. Статья О. Юревича знакомит польского читателя с историей византиноведения, в частности с существующими в настоящее время византиноведческими центрами¹⁸.

Основное внимание в статье уделено обзору трудов польских византиноведов начиная с самого старого и скромного вклада, внесенного в дело изучения истории Византии в XVI в. И. Либаном (его «Греческая антология речей Василия, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста» была издана в Кракове в 1528 г.) и кончая произведениями современных исследователей (до 1957 г.). В статье О. Юревича рассматриваются труды по географии, истории, искусству и т. д.; наибольшее место отведено филологическим работам.

Вторая обзорная статья посвящена современной историографии крестовых походов — теме, которая всегда вызывала живой интерес исследователей. Автором обзора, содержащего характеристику современной историографии крестовых походов, является Т. Рослановский¹⁹. По его мнению, изучение истории крестовых походов образовало своего рода «мостик» между находившейся некогда в пренебрежении историей Востока и Ви-

¹⁵ R. Kiersnowski. Pieniądz kruszcowy w Polsce wczesnośredniowiecznej. Warszawa, 1960, 535 str. В этой работе специальный раздел, снабженный таблицами, посвящен византийским монетам (стр. 137—149).

¹⁶ A. Steffen. Ślady greckie w regescie «Dagome Judex». «Antemurale», III, 1956, str. 95—116.

¹⁷ Wł. Kowalenko. Znowu o «Dagome Judex» (na tle pracy Augusta Steffena: Ślady greckie w regescie «Dagome Judex»). «Roczniki historyczne», XXIV, 1958, str. 223—251. См. рецензию Г. Эверт-Канпесовой в BS, vol. 21, 1960, 1, S. 106—107.

¹⁸ O. Jurewicz. Z dziejów polskiej bizantynistyki. «Meander», № 7—8, Warszawa, 1957, str. 222—240.

¹⁹ T. Roslanowski. Przegląd nowszych badań nad historią wypraw krzyżowych. «Kwartalnik historyczny», 1958, № 4, str. 1311—1335.

зантии — с одной стороны, и интенсивно разрабатывавшейся историей Запада — с другой. Кроме того, оно послужило толчком к исследованию проблем социальных отношений и экономической структуры Византийской империи XI в. (Г. Острогорский, П. Харанис), а также истории византийской культуры (Л. Брейе). Перечисляя работы о Четвертом крестовом походе, автор обращает внимание на значительный интерес к этой теме, наблюдающийся у советских историков. Обзорная статья Т. Рослановского, снабженная обильным научным аппаратом, обстоятельно рисует состояние исследовательской работы в области изучения крестовых походов и хорошо выявляет взгляды ученых на это движение.

Следует отметить, что проблемы истории Византии все чаще затрагиваются в трудах польских историков других специальностей; иногда они даже посвящают этим проблемам специальные работы, что свидетельствует о повышении в Польше интереса к данной области истории средневековья.

Разрабатывая историю западного славянства, Г. Лябуда широко использовал и византийские источники: сочинения Иордана, Прокопия Кесарийского, Льва Дьякона, Константина Багрянородного, Феофилакта Симокатты²⁰. Он осветил ход дискуссии по поводу применяемого Иорданом обозначения *Vidi-varii*. Подробно проанализировав текст, в котором встречается это название, автор пришел к выводу, что слово *Vidi-varii* должно звучать так *Vi(n)di-varii* или *(V)indi-varii* и что в данном случае у Иордана речь идет о славянах. Г. Лябуда подверг известия Иордана и историческому анализу. В этом же плане им было изучено сообщение о славянах, приводимое Феофилактом Симокаттой. Автор приводит в своей работе его текст, дает обзор литературы и подробно анализирует содержание сообщения.

Изучая польско-русские отношения, С. М. Кучинский, специалист по истории Восточной Европы в средние века, определяет этнический состав племен, участвовавших в походах на Византию, предпринимавшихся Олегом в 907 г. и Игорем в 944 г., а также устанавливает степень их зависимости от киевского князя²¹. Автор обращает внимание на участие в походе 944 г. лехицкого князя Владислава.

Разделы, посвященные Византии, встречаются и в общих работах. Так, глава о византийской музыке имеется во «Всеобщей истории музыки» (1957)²². По мнению авторов, характер византийской музыки определялся общим развитием культуры Византии, базировавшейся на эллинистической традиции и вместе с тем впитывавшей в себя элементы древневосточной культуры и молодых культур славянских, германских и других племен. Византийская музыка была насыщена светскими элементами и в то же время обогащена различными формами культовой музыки. Музыкальное творчество византийцев оказывало сильное влияние как на Запад, так и на Русь, вся культовая музыка которой берет свое начало в Византии.

Особый раздел посвящен Византии и в работе Г. С. Сейдлера «Политическая мысль в средние века»²³. Характеризуя византийскую политиче-

²⁰ G. Labuda. *Fragmenty dziejów Słowiańszczyzny zachodniej*. Poznań, 1960 312 str.

²¹ S. M. Kuczyński. *Stosunki polsko-ruskie do schyłku—wieku XII*. «*Slavia orientalis*». VII, 2, 1958, str. 223—255.

²² M. Chomiński i Z. Liśsa. *Historia muzyki powszechnej*. Warszawa, 1957, str. 129—134.

²³ G. L. Seidler. *Myśl polityczna średniowiecza*, Kraków, 1961, str. 62—139. Несмотря на то, что в этом разделе много неточностей, он представляет безусловную ценность, восполняя ошутительный пробел, имевший до сих пор место в этой области польской исторической науки.

скую доктрину, автор выделяет три элемента, оказавших влияние на ее возникновение: христианскую религию, идеи римского права и веру в божественное происхождение императора. Наиболее яркое выражение эта доктрина получила во времена Юстиниана I, когда она была использована в качестве обоснования «мировой» империи. Религиозно-правовую доктрину, созданную по образцу юстиниановских концепций, переняла в дальнейшем сирийская династия, особенно в лице Льва III, при котором эта доктрина служила обоснованием завоевательной политики Византийской империи. Автор показывает, что настроения «образованных» слоев общества, воспитанных в духе эллинской философии и не веривших в устойчивость существующего порядка, выражал скептицизм. В народных массах скептические веяния проявлялись в распространении христианской мистики, а протест революционного толка нашел свое выражение в политической доктрине павликиан.

Одна из важных задач, стоящих ныне перед польским византиноведением, — расширение круга молодых специалистов, занимающихся изучением истории Византии, а также читателей, интересующихся ею. Решению этой задачи может содействовать, в частности, публикация работ научно-популярного или даже просто популярного характера. Несколько таких работ было написано польскими историками в рассматриваемый в нашей статье отрезок времени.

В своей статье о Продроме Г. Эверт-Каппесова, живо, интересно и красочно знакомит польского читателя с культурой и историей Византии²⁴. Рисую судьбу поэта, она показывает, с какими трудностями сталкивался в Византии способный и образованный, но бедный и лишенный покровительства человек. И. Куранц, автор вышеупомянутой работы о Приске, опираясь на рассказ последнего, обстоятельно излагает историю византийского посольства ко двору предводителя гуннов в 448 г.²⁵ Особенно интересно изображено прибытие послов, церемониал, принятый при дворе Атилы, и пир, устроенный им по случаю приезда посольства.

В небольшой популярной статье Т. Васильевский²⁶ знакомит читателя с византийскими модами. Наконец, Э. Домбровская коротко освещает историю кочевых племен на землях Центральной Руси и отношения кочевников с Византийской империей в X—XII вв.²⁷

Показывая достижения польского византиноведения, мы попытались рассмотреть по возможности все работы, вышедшие в охватываемый настоящим обзором период. Мы старались также раскрыть основное содержание этих работ с тем, чтобы выявить вклад польской науки в мировое византиноведение.

За указанное время польское византиноведение, несомненно, сделало определенные успехи. Весьма важно, что история Византии привлекла к себе внимание историков молодого поколения. Неуклонное, хотя пока еще медленное развитие польской византинологии позволяет оптимистически смотреть на ее будущее.

²⁴ H. K a p p e s o w a. Biedaczyna Prodrornos-człowiek—niepotrzebny. Szkic z życia społeczeństwa bizantyjskiego w XII w. «Meander», № 9. Warszawa, 1957, str. 269—282.

²⁵ J. K u r a n c. Wyprawa poselstwa wschodnio-rzymskiego na drów króla Attyli. «Meander», № 12. Warszawa, 1957, str. 20—36.

²⁶ T. W a s i l e w s k i. Świat mody w przeszłości. Moda bizantyjska. «Mówia wieki», № 3. Warszawa, 1959, str. 42—43.

²⁷ E. D a b r o w s k a. O ostatnich falach nomadów tureckich w Europie. «Z otchłani wieków», 1957, № 3, str. 128—136.